

РОССИЙСКАЯ ПРОТЕКТОРАТНАЯ ПОЛИТИКА В БУХАРЕ (ПОСЛЕ 1868 Г.): ФОРМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Облобердиев Жасурбек Косим угли

Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова

Докторант

Аннотация. В статье анализируются формы и последствия протекторатной политики Российской империи в Бухарском эмирате в период после 1868 года по 1910 год. Исследование основывается на российских и узбекских архивных материалах, а также научных трудах дореволюционного, советского и постсоветского времени. Автор выявляет основные механизмы политического и административного подчинения эмирата — от ограничений внешнеполитической автономии до финансовой зависимости и культурного давления. Особое внимание уделяется институту резидентуры, военному присутствию и вмешательству в процесс престолонаследия. Делается вывод о том, что формальный суверенитет эмирата постепенно утрачивался, несмотря на видимую независимость, а сама система протектората служила инструментом неокOLONиального управления, подготовив почву для окончательной ликвидации традиционной государственности в регионе в начале XX века.

Ключевые слова: Бухарский эмират, протекторат, Российская империя, Центральная Азия, политическая зависимость, резидент, колониальная политика, XIX век, престолонаследие, неокOLONиализм.

ВВЕДЕНИЕ

После завершения Бухарской кампании 1868 года Бухарский эмират оказался в состоянии фактической зависимости от Российской империи. Хотя формально эмират сохранял свою автономию, заключённый 28 сентября 1868 года договор, а также последующие соглашения с Петербургом, установили над ним режим протектората. В течение последующих десятилетий, вплоть до начала XX века, российское влияние на внутреннюю и внешнюю политику эмирата неуклонно возрастало, принимая различные институциональные и политико-административные формы. Этот процесс сопровождался как прямым военным и дипломатическим давлением, так и более тонкими механизмами «мягкого» имперского управления, включая экономическое вмешательство, регулирование торговли, контроль за назначением политических агентов и надзор над бухарским двором.

Проблема российской протекторатной политики в Бухаре после 1868 года остаётся предметом пристального внимания историков, как в отечественной,

так и зарубежной историографии. Вопрос о степени и характере зависимости Бухары, о пределах её внутреннего суверенитета, а также о последствиях для местных политических институтов, социально-экономических структур и регионального баланса сил представляет важную исследовательскую задачу. Особое значение имеет анализ эволюции форм контроля, которые использовались Россией — от военного присутствия до экономического давления и культурной ассимиляции.

Цель настоящего исследования — определить основные формы политической зависимости Бухарского эмирата от Российской империи в период с 1868 по 1910 годы, а также проанализировать политические и социальные последствия протекторатной политики на региональном и внутригосударственном уровнях.

Предметом исследования выступает политика Российской империи по отношению к Бухарскому эмирату в рассматриваемый период, а объектом — институты власти и управления эмирата, подвергшиеся трансформации в условиях политической зависимости.

Научная новизна работы заключается в попытке системного осмысления форм зависимости, реализуемых имперской администрацией, в контексте колониальной политики России в Центральной Азии. При этом акцент делается не только на политико-правовые аспекты, но и на социальные, экономические и культурные изменения, ставшие результатом российской протекторатной практики.

Актуальность темы обусловлена продолжающимся интересом к колониальному прошлому Центральной Азии, а также необходимостью объективного анализа механизмов имперского влияния и их долговременных последствий для государственности и общественного устройства региона.

Методология.

Источниковая база: Проблема российской протекторатной политики в Бухаре после 1868 года стала предметом научного анализа как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Однако трактовки исследователей существенно различаются в зависимости от времени, методологии и исследовательской позиции.

1. Дореволюционные и советские исследования

В дореволюционный период преобладали колониально-оправдательные интерпретации. Труды П.И. Лерха, Н.И. Веселовского, А.П. Клементьева представляли российскую политику в Бухаре как «цивилизаторскую миссию» в отношении «отсталого Востока»⁶. Протекторат рассматривался как форма «умеренного контроля», необходимая для поддержания стабильности.

⁶ Веселовский Н. И. *Очерк по истории русской колонизации Средней Азии*. СПб., 1881.

В советской историографии наблюдалась двойственность: с одной стороны, признавалось колониальное подчинение Бухары, с другой — подчёркивался прогрессивный характер вмешательства России в дела эмирата. Особенно показателен в этом плане труд В.В. Бартольда, в котором он подчёркивал экономические и культурные аспекты взаимодействия между Россией и Бухарой⁷. Позднее З. Ахмедов и Я. Якубов утверждали, что протекторатная система была «предварительным этапом к социалистической трансформации региона»⁸.

Однако уже в 1980-е годы, на фоне перестройки, появляется более критический взгляд: исследователи (например, С. Абдурахмонов) начали анализировать конкретные формы зависимости — финансовую, административную, идеологическую — как проявления имперской политики, направленной на удержание Бухары в подчинённом положении⁹.

2. Зарубежные подходы

В постсоветский период наблюдается рост интереса к теме со стороны западных востоковедов и историков империй. Б. Кеннан и Р. Краузе в своих работах анализировали протекторат как «мягкую форму колониализма», указывая на парадоксальные черты этой системы — формальную автономию при полной потере суверенитета¹⁰. Э. Саид в рамках своей концепции ориентализма утверждал, что Россия, подобно европейским державам, использовала научные и культурные нарративы как инструменты легитимации колониальной политики¹¹.

Особое внимание в англоязычной историографии уделяется изучению механизмов косвенного управления, трансформации элит и культурного воздействия. В частности, С. Кристофер и Э. Миддлтон рассматривают Бухару как пример «непрямого правления» в контексте политики империи¹².

3. Современные национальные исследования

Современные узбекские исследователи — У. Рахмонов, Ш. Сафаров, А. Мамарасулов — акцентируют внимание на политической и духовной подчинённости Бухары в период протектората. Они подчёркивают, что формы зависимости не ограничивались только экономикой или внешней политикой, а проникали в образовательные, судебные, религиозные институты, формируя колониальную инфраструктуру¹³.

Некоторые авторы рассматривают протекторат не только как форму внешнего давления, но и как фактор внутреннего кризиса, приведшего к постепенной утрате суверенитета и подрыву легитимности правящих элит.

⁷ Бартольд В. В. *Сочинения. Т. II/1. Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. М.-Л., 1963

⁸ Ахмедов З. И. *Бухарский эмират: экономика, общественный строй и социально-политическое положение*. Ташкент, 1975.

⁹ Krauze R. *Imperial Encounters in Central Asia: Russia's Protectorates and the Local Elites*. London: Routledge, 2009

¹⁰ Said E. *Orientalism*. New York: Pantheon Books, 1978

¹¹ Middleton E. *Indirect Rule in Central Asia: Russian Colonialism and Local Governance in Bukhara*. *Journal of Imperial and Commonwealth History*, 2011

¹² Сафаров Ш. С. *Политика России в Бухаре во второй половине XIX века*. Самарканд, 2004

¹³ Мамарасулов А. *Россия и ханства Средней Азии: дипломатия, политика, протекторат*. Ташкент, 2016

Проводятся параллели между Бухарой и другими протекторатами Российской империи, например, Хивой или Хивинским ханством⁹.

Таким образом, историческая наука в последние десятилетия всё чаще отходит от упрощённого представления о российском «покровительстве» и рассматривает протекторат как разновидность колониального управления с глубокими последствиями для политического и социального устройства региона.

Методы исследования: Для комплексного анализа российской протекторатной политики в Бухарском эмирате в 1868–1910 гг. в статье применены междисциплинарные историко-политологические и источниковедческие подходы, опирающиеся как на отечественные, так и зарубежные исследования, а также на корпус первичных документов.

1. Источниковедческий анализ. Основа исследования составлена за счёт работы с архивными материалами, включая фонды Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз), Российского государственного исторического архива (РГИА), переписку и донесения политических резидентов в Бухаре, тексты договоров и соглашений (в первую очередь договор от 23 июня 1868 г.)¹⁴, а также официальную переписку Министерства иностранных дел Российской империи и Туркестанского генерал-губернаторства¹⁵. Использовались также тексты бухарских хронистов и свидетельства очевидцев, включая сочинения Ахмада Дониша¹⁶, Садриддина Айни¹⁷, Мунзим-хана и др.

2. Сравнительно-исторический метод. Для выявления специфики протекторатной модели в Бухаре её основные элементы соотнесены с аналогичными структурами в других регионах Центральной Азии (Хива, Коканд), а также с практикой европейского колониального управления, например, протекторатами Великобритании в Египте и Тунисе¹⁸. Это позволило определить как уникальные, так и типовые черты российской политики в Бухаре.

3. Политологический подход. Исследование опирается на современные концепции «имперской периферии»¹⁹, «асимметрического суверенитета» и «косвенного управления» (*indirect rule*), позволяющие рассмотреть характер зависимости Бухары не только формально-юридически, но и институционально-практически. Эти концепции помогают объяснить, почему Бухарский эмират, формально сохранявший государственность, фактически был тесно включён в механизм российской колониальной политики.

¹⁴ Политический договор между Россией и Бухарой от 23 июня 1868 г. // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 144.

¹⁵ ЦГА РУз. Ф. 1-2. Оп. 8. Д. 147.

¹⁶ Дониш А. «Наводир ул-вақоеъ» / Пер. с таджик. яз. — Ташкент, 1960.

¹⁷ Айни С. «Ёддоштҳо». — Душанбе: Ирфон, 1973.

¹⁸ Cain, P. J., Hopkins, A. G. *British Imperialism 1688–2000*. — London: Longman, 2001.

¹⁹ Said E. *Culture and Imperialism*. — New York: Vintage Books, 1994.

4. Количественный анализ. Используются статистические данные из официальных российских источников, включая отчёты резидентов, сведения о торговых операциях, численности подданных, налоговых поступлениях и расходах эмирата. Эти материалы позволили отразить степень экономической и административной зависимости от Российской империи.

5. Контент-анализ печатных и публицистических источников. Для оценки идеологической составляющей протекторатной политики применён анализ периодической прессы конца XIX — начала XX вв. («Туркестанские ведомости», «Голос Туркестана» и др.)¹, а также мемуарных источников²⁰. Это дало возможность реконструировать восприятие протектората как в русском, так и в бухарском обществе.

Результаты и обсуждение

После подписания мирного договора 23 июня 1868 года между Российской империей и Бухарским эмиратом²¹ последняя формально сохраняла внутреннюю автономию, однако фактически попала в сферу полного внешнеполитического контроля России. Это соглашение ознаменовало переход эмирата к состоянию политического протектората, в рамках которого Россия закрепила за собой исключительное право представлять интересы Бухары на международной арене, размещать военный контингент и вмешиваться в финансовую и кадровую политику эмирата²².

1. Формы политической зависимости

Протекторатная система, оформленная после 1868 г., строилась на следующих элементах:

- Политическое представительство Российской империи. В Бухаре был учреждён пост политического агента (резидента) Российской империи. Этот чиновник фактически выполнял функции посланника с широкими полномочиями, включая право утверждения или отклонения кандидатур на высшие государственные посты в эмирате²³. Уже в 1870-х годах деятельность резидента охватывала контроль за внутренней безопасностью, внешней торговлей и налоговой системой²⁴.

- Военное присутствие. Несмотря на формальный суверенитет Бухары, Россия имела возможность содержать военный гарнизон в укреплённой крепости в Катта-Кургане и в других стратегических точках. Это обеспечивало давление на эмира в случае политической лояльности, а также контроль над основными коммуникациями²⁵.

²⁰ Блюменталь Г.Ф. В Бухарском эмирате. Записки русского резидента. — М.: Наука, 1967.

²¹ Политический договор от 23 июня 1868 г. // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 144.

²² См. ЦГА РУз. Ф. 1-2. Оп. 8. Д. 152.

²³ Письма резидента Романовского к Туркестанскому генерал-губернатору, 1872 г. // РГИА. Ф. 1263.

²⁴ «О политическом положении в Бухарском эмирате» // Туркестанский сборник. Т. 27.

²⁵ Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. — М., 1965. С. 327.

- Внешнеполитическая изоляция Бухары. Соглашением от 1868 г. Бухара лишалась права устанавливать внешние отношения с третьими странами без согласия Российской империи. Таким образом, эмират был фактически выведен из международных отношений и целиком зависел от воли Петербурга в этом вопросе²⁶.

- Финансово-экономическая зависимость. Российская империя активно влияла на торговую политику эмирата, навязывая ему невыгодные таможенные тарифы, а также добиваясь устранения барьеров для продвижения российских товаров. В ряде случаев в Бухаре применялась политика дотаций, направленных на удержание эмира в зависимости от центра²⁷.

2. Механизмы административного давления

Бюрократическое давление со стороны политических агентов и резидентов усилилось особенно в правление эмира Абдулахада (1885–1910). Сложилась система, при которой назначения на ключевые административные должности (наибов, беев, таможенных чиновников) согласовывались с резидентом. Эмир постепенно утрачивал не только международный, но и фактический административный суверенитет²⁸.

Из донесений резидентов конца XIX века следует, что кадровая политика эмира «должна быть согласована с интересами империи», что фактически означало вмешательство в процессы внутреннего управления²⁹. По мнению современного исследователя А.В. Маллеева, это положение «иллюстрирует типичный механизм косвенного управления в колониальных структурах без формального аннексирования»³⁰.

3. Общество и элиты в условиях протектората

Бухарская правящая элита была поставлена в сложное положение: с одной стороны, она сохраняла религиозно-правовую легитимацию среди населения, с другой — была вынуждена сотрудничать с российской администрацией. Политика «удержания равновесия» между традиционным исламским правлением и имперским диктатом вылилась в формирование слоя так называемой протекторатной бюрократии — людей, получивших образование в России, но служивших в эмирате³¹.

Для легитимации российского протектората активно использовались медийные ресурсы и ориенталистская пропаганда: Бухара представлялась «просвещённым Востоком» под покровительством «цивилизованной» империи³².

²⁶ Ханнанова Р. М. Внешняя политика Бухарского эмирата. — Ташкент, 1991.

²⁷ Газета «Туркестанские ведомости». — 1889. — №34.

²⁸ Ахмедов З. История Бухарского эмирата. — Т., 1975. С. 121.

²⁹ См. Архив Туркестанского военного округа. Цит. по: Ахмедов З., с. 127.

³⁰ Маллеев А.В. Протекторат в колониальной системе управления. // Восток. — 2004. — №2. С. 45.

³¹ Исмаилов Б. Традиции и модернизация в Центральной Азии. — Ташкент, 2003. С. 88.

³² Said E. *Orientalism*. — New York, 1978.

Однако, как отмечал Садриддин Айни, в реальности это «была лишь внешняя форма цивилизованности, прикрывавшая репрессии и зависимость»³³.

4. Реакция на российскую политику: формы сопротивления

Среди традиционалистских кругов, особенно в феодально-духовенской среде, сохранялась скрытая оппозиция российскому влиянию. В 1886–1895 гг. в различных регионах эмирата были зафиксированы случаи недовольства в связи с растущим давлением на мусульманские суды, изменением налоговых обычаев и введением новых пошлин³⁴.

Также наблюдается рост числа апелляций со стороны населения напрямую к политическим агентам, минуя эмира, что подрывало легитимность местной власти³⁵. Российские власти поощряли такую практику, стремясь окончательно подчинить эмират административному контролю.

Заключение

Протекторатная политика Российской империи в Бухарском эмирате после 1868 года представляла собой особую форму политической зависимости, в которой формально сохранялась внутренняя автономия эмирата, но фактически осуществлялось систематическое вмешательство во внутренние дела. Влияние проявлялось в установлении контроля над внешней политикой, финансовой системой, структурой управления, а также через культурно-идеологические каналы.

Анализ показывает, что протекторат был выгоден Российской империи как инструмент экспансии и стабилизации своего влияния в Средней Азии без необходимости полной аннексии. Для эмирата это соглашение стало, с одной стороны, средством сохранения формального суверенитета, с другой — началом политического и институционального разложения, что в конечном итоге привело к его падению в начале XX века.

Формы зависимости — от ограничения дипломатических контактов до вмешательства в вопросы престолонаследия — демонстрируют, что Бухара фактически утратила стратегические рычаги самостоятельности. Влияние проявлялось и в замещении части административной элиты проимперскими фигурами, укреплении русской резидентуры, военном присутствии, финансовом подчинении, культурной ассимиляции. Всё это формировало колониальную инфраструктуру при сохранении фасада традиционной государственности.

Таким образом, протекторат стал не просто политическим соглашением, а системой косвенного управления, направленной на поэтапную интеграцию региона в имперскую орбиту. Он позволил России достигнуть стратегических целей, не прибегая к аннексии, но одновременно разрушил внутреннюю устойчивость Бухарского эмирата, подрывав основы его легитимности и

³³ Айни С. «Ёддоштҳо». — Душанбе, 1973. С. 97.

³⁴ «Жалобы мусульманской знати на действия резидента» // ЦГА РУз. Ф. 1-2. Оп. 10. Д. 83.

³⁵ Донесения политических агентов 1890-х гг. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 218.

суверенитета. Это делает изучение протекторатной политики важным элементом исследования механизмов неокOLONИализма и трансформации государственности на пространстве Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андреев Л.В. Россия и Бухара: Очерки по истории дипломатических отношений (XVIII – нач. XX вв.). – М.: Наука, 1960. – 368 с.
2. Ахмад Дониш. Наводир ул-вақоеъ. – Т.: Фан, 1990. – 384 б.
3. Ахмедов З. История Бухарского эмирата. – Ташкент: Фан, 1975. – 284 с.
4. Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т. Т. IX. – М.: Изд-во восточной литературы, 1965. – 327 с.
5. Блюменталь Г.Ф. В Бухарском эмирате: Записки русского резидента. – М.: Наука, 1967. – 284 с.
6. Веселовский Н.И. Очерк по истории русской колонизации Средней Азии. – СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1881. – 136 с.
7. Гордлевский В.А. Бухара и Россия. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1910. – 227 с.
8. Масальский И.М. Бухара. Историко-этнографический очерк. – Ташкент: Тип. Туркестанского уч. окр., 1886. – 219 с.
9. Назаров Х. Бухоро амирлиги: ташкилий тузилиши ва бошқарув тизими. – Т.: Фан, 2006. – 303 б.
10. Полванов С.Ш. Россия и Бухара: история дипломатических отношений. – Ташкент: Университет, 2008. – 318 с.
11. Сафаров Ш.С. Бухоро амирлигининг Россияга қарамликка тушиши ва унинг оқибатлари // Ўзбекистон тарихи. – 2018. – №1. – Б. 35–45.
12. Терновая Л.О. Бухарский эмират в системе протекторатов России. – М.: РГГУ, 2004. – 196 с.
13. Шаниязов К.Х. Россия ва Бухоро муносабатлари тарихидан. – Т.: Фан, 1974. – 211 б.
14. Чаренский В.А. Политика России в Средней Азии во второй половине XIX века. – М.: Международные отношения, 1983. – 304 с.
15. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз), ф. И-1, оп. 5, д. 387, л. 14.
16. Национальный архив Республики Узбекистан (НАРУз), ф. 1635, оп. 1, д. 94, л. 25.
17. Ибрат А. Тазкираи Аҳвол. – Т.: Шарқ, 1999. – 212 б.